

им 2. Band, S. 328 ist *muca* verzeichnet; beide Wörter bedeuten 'Faß, Tonne', aber erst die hinzugefügte Skizze bringt Klarheit, daß es sich beim ersten um ein längliches, beim zweiten um ein rundes Faß handelt. Im 3. Band, S. 413 ist *spjarkls* 'Hackenpflug' gebracht und die dazugehörige Zeichnung vermittelt genaue Vorstellungen von den Pflugteilen. Das Wörterbuch ist besonders in Hinsicht auf die Vielzahl der Beispiele wertvoll. So umfassen die in 22 Gruppen mit recht vielen Untergruppen aufgliederten Beispiele zum Wort *iêt* 'gehen' zehn Seiten (1. Band, S. 425—435). Die meisten sind phraseologische Ausdrücke, und darunter gibt es auch solche, die im Estnischen direkte Entsprechungen haben, wie *ej békâotu!* 'gehl, mach dich fort!' (est. *mine seenele*), *iêt ukâ* 'zugrunde gehen' (est. *hukka minema*), *iêt zudumâ* 'verschwinden' (est. *kaduma minema*) usw. Das von E. Kagaine zusammengestellte Wörterbuch zeigt anschaulich, wie wichtig Beispielsätze sind. Erst diese Sätze machen eine allseitige Charakterisierung des betreffenden Wortes möglich. «Ergemes izloksnes vârdnica» kann nicht nur als Vorbild für die Zusammenstellung eines Dialektwörterbuches dienen, sondern dieses Werk ist gleichzeitig eine wertvolle Quelle zur Erforschung der Kontakte zwischen den ostseefinnischen und baltischen Sprachen. Forscher dieses Gebietes können hier reichhaltiges Beispielmateriale zur Anpassung estnischer

Wörter im Lettischen finden, z. B. *anis* — est. *hani* 'Gans', *ķereži* — *keris* 'Hitzsteine', *ķiskâtiês* — *kisklema* 'sich zanken', *kuņna* — *konn* 'Laubfrosch', *kuŗrata* — *kurat* 'Teufel' (*kuŗratât* 'estnisch reden', denn die Esten benutzen oft das Wort *kurat*), *ķutes*, *ķutas* — *kūtis* 'schwelendes Feuer', *lêmpis* — *lomp* 'Pfütze', *loris* — *loraja* 'Schwätzer', *magât* (Kinderspr.) — *magama* 'schlafen', *pese* — *pâss* 'Zunder', *piziķis* — *pisike* 'kleine, enge, kurze Kleidung', *puĩsis* — *poiss* 'Junge, Knecht', *rabât* — *rukist* *rabama* 'Roggendreschen', *sûimît* (humorist.) — *sõõma* 'essen', *têukât* — *tõukama* ('stoßen' (*têukâ* *têukâ* 'schieb! schieb!')) *teĩbât* — *tõbama* 'ziehen' (bekannt ist auch der Liedtext *teĩba Juriti!* — *tõmba, Juri!* 'zieh Juri!'), *tũims* — *tuim* 'stumpfsinnig, einfältig', *vaĩga* — *vang* 'Henkel' u. a. E. Kagaine hat außerdem noch einige kürzere Abhandlungen zu estnischen (bzw. nach ihren Worten westfinnischen) Lehnwörtern in der Ergemundart veröffentlicht. Die bedeutendste Forschung ist den thematischen Gruppen der Wörter ostseefinnischer Herkunft «Ergemes izloksnē sastopamo rietumsomu cilmes vârdi tematiskâs grupas» (Latvijas PSR Zinâtņu Akadēmijas Vēstis 1971, Nr. 1, S. 90—101) gewidmet. Die Autorin hat aber in dieser Arbeit keinen Unterschied zwischen alten ostseefinnischen und späteren estnischen Lehnwörtern gemacht.

PAUL ARISTE (Tartu)

<https://doi.org/10.3176/lu.1985.4.13>

Syrjânische Texte. Band I. Komi-Permjakisch. Gesammelt von T. E. Uotila. Übersetzt und herausgegeben von Paula Kokkonen. Helsinki 1985 (MSFOu 186). 297 c.

Последний выпуск MSFOu, издаваемого Финно-угорским обществом, представляет собой подарок для пермистов, который вновь, через несколько десятилетий связан с именем Т. Э. Уотила. Напомним, что в 1933 г. Финно-угорским обществом была опубликована обстоятельная работа Т. Э. Уотила о пермском консонантизме (Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen), в 1938 г. — хрестоматия на коми языке (Syrjânische Chrestomathie...), а в 1942 г. он подготовил для печати словарь коми языка

Ю. Вихманна. Однако этим далеко не исчерпывается деятельность Т. Э. Уотила в области коми языкознания. В 1930 г. Т. Э. Уотила посетил коми жителей Печенги и сделал там записи по их говору. Работу по сбору коми материала он продолжил в первой половине 1940-х годов. Накопилось всего 80 тетрадей с записями от 47 информантов, среди которых были представители почти всех диалектов коми-зырянского и коми-пермяцкого языков.

К сожалению, это богатое собрание языковых материалов после смерти

Т. Э. Утила в 1947 г. осталось надолго лежать в архиве Финно-угорского общества. Интерес к коми языку в Финляндии как бы пропал. Лишь в 1970-х годах стало известно, что в Хельсинкском университете опять изучается и преподается коми язык — благодаря инициативе профессора Райи Бартенс. Ощутимы и результаты этой работы: Паула Кокконен, ученица Р. Бартенс, приступила к публикации собранных Т. Э. Утила текстов.

Рецензируемый сборник представляет в распоряжение исследователей 14 тетрадей из собрания рукописей Т. Э. Утила. Он включает коми-пермяцкие тексты 12 информантов. Трое из них представляют северные диалекты (точнее, по классификации Баталовой, косинско-камский диалект северной группы) и девять — разные диалекты южной группы. Материал сгруппирован по жанрам: значительно преобладают бытовые рассказы и сказки, меньше всего песен (и это понятно: все информанты Утила были мужчинами!). Неожиданно много загадок, пословиц, поговорок и поверий — жанры, которые в наши дни встречаются редко. Например, Орест Бачев (южный диалект), кроме всего прочего, сообщил 111 пословиц, 97 загадок и 68 поверий! Другие информанты смогли дать гораздо меньше подобного материала.

В публикации сохранена транскрипция Т. Э. Утила, в которой он точно следовал произношению информантов. Этим объясняются и непоследовательность местами, и отклонения от диалектных закономерностей. Исследователям они могут рассказать о специфике и вариантности диалектных черт.

Тексты переведены на немецкий язык. Осуществлена эта работа, правда, через посредство финского языка, но все же с учетом оригинала. При переводе ставилась цель не дословно передать текст, а сделать его читаемым и понятным. Комментарии и пояснения переводчика минимальны. Переводы на русский язык, которые встречаются в коми тексте, относятся к рукописи Т. Э. Утила.

Итак, исследователи получили около 150 страниц корректно оформленных тек-

стов на коми-пермяцком языке. Это существенное дополнение к тому, что уже опубликовано до сих пор, не только по объему, но и по содержанию. Анализ и интерпретация последнего еще впереди. Вероятно, много интересного даст сопоставление текстов Т. Э. Утила с коми-пермяцкими материалами, опубликованными К. Редей (K. Rédei, *Zyrian Folklore Texts*, Budapest 1978). Информантами К. Редей были в основном молодые люди, диалектный язык которых испытал влияние литературного языка и школьного образования. Информанты же Т. Э. Утила как представители предыдущего поколения (большинство родилось еще в начале века) вели сравнительно оседлый образ жизни, большую часть которой оставаясь в родных деревнях.

У советских пермистов может опять вызвать возражения общее название сборника (*Syrjänische Texte*), которое как бы распространяет наименование *зырянский* и на коми-пермяцкий диалект (См., напр., рецензии А. Туркина на сборник К. Редей — КК 1979, № 11 и СФУ XVI 1980). В действительности же для возражений нет оснований, так как вопрос заключается только в форме наименования, содержание же не содержит ошибки. Название *зырянский* объединяет все коми диалекты и в этой роли не уступает принятому советскими финно-угроведами понятию *коми язык*. При этом термин *коми* тоже не лишен недостатков, поскольку он используется как в качестве общего наименования для зырянского, пермяцкого и зывинского диалектов, так и для обозначения только коми-зырян. Однако и традиции имеют свое значение. Так, укоренившееся в финно-угроведении на немецком языке название коми языка *Syrjänisch* столетиями употребляется для обозначения коми языка и народа. Пусть будет и «*Syrjänische Texte*»!

Рассматриваемый сборник, таким образом, начинает публикацию обширного языкового материала. Пожелаем успеха издателям и будем надеяться, что продолжение публикации не заставит себя долго ждать.

АНУ-РЕЭТ ХАУЗЕНБЕРГ (Таллин)